

Председатель (*говорит по-французски*): В соответствии с принятым ранее решением я представляю слово г-ну Эли Визелю, пережившему холокост, лауреату Нобелевской премии.

Г-н Визель (*говорит по-английски*): Человек, стоящий перед вами здесь сегодня утром, считает себя удостоенным высокой чести. Учитель и писатель, он говорит и пишет, будучи свидетелем преступления, совершенного в самом сердце европейского христианского мира и цивилизации грубым диктаторским режимом, — преступления беспрецедентной жестокости, в котором участвовали все правительственные круги. По сути, эта сессия является чрезвычайной. Я думаю, вы знаете, что это означает для многих из нас в эти годы: осознать, что мир нас слушает. В то же время тех, кто был там, мучил и убивал не только враг, но и то, что мы называем молчанием и равнодушием мира. Сейчас, 60 лет спустя, мир, по крайней мере, пытается слушать и помнить.

Говоря об этой эпохе царства тьмы, ее свидетель сталкивается с трудностями. Слова ему не помогают, он с трудом подбирает их, — ибо нет слов, которыми можно описать, что чувствуют жертвы тогда, когда смерть становится нормой, а жизнь — чудом. Знаете вы или нет, друзья мои, но его память по-прежнему является частью вашей.

Я выступаю здесь как сын древнего народа, единственного народа, пережившего времена древнего мира, — еврейского народа, — который на протяжении всей своей подвергался изгнаниям и угнетению, но не утратил надежды на спасение. Будучи подростком, он видел то, что должен был видеть каждый человек: триумф политического фанатизма и идеологической ненависти к тем, кто является другим. Он видел множество людей униженных, изолированных, подвергавшихся мучениям и пыткам и убитых. В подавляющем своем большинстве это были евреи, но были и другие. И те, кто совершал эти преступления, не были вульгарными, нечеловеческими существами, а принадлежали к высокому правительственным, научным, промышленным и медицинским кругам Германии. Мы должны заметить, что в последние годы это государство стало подлинно демократическим. Однако вопрос остается открытым: в те мрачные годы что заставляло столь многих блестящих и ответственных государственных служащих совершать такие чудовищные деяния? Трагедия Освенцима, хотя и

является самой документированной в анналах истории, по-прежнему не поддается описанию словами и недоступна пониманию, учитывая ее масштабы и размах, численность жертв, последствия стольких унижений и агонии и боли.

Позвольте мне вернуться на минуту в те времена; я вижу вновь детей, которых используют в качестве мишеней войска СС; подростков, которые осуждены на то, чтобы никогда не стать взрослыми; родителей, на глазах которых их детей бросают в горящие печи; безмерное одиночество, которое окутало целый народ; бесконечное отчаяние, которое преследует нас днем и ночью, даже сейчас, 60 лет спустя.

Когда же началось то, что мы лаконично называем «холокостом»? В 1938 году, во время ночи хрустальных ножей? Возможно, в 1939 году, когда германский корабль «Сент-Льюис» с более чем 1000 германскими беженцами еврейского происхождения на борту — мужчинами, женщинами и детьми — был вынужден повернуть обратно, покидая американский берег? Тогда, когда были созданы первые гетто в Варшаве и Лодзи? Или же совершенны первые кровавые расправы на российских оккупированных территориях или в Бабьем Яре?

Мы продолжаем задаваться вопросом: чем был Освенцим? Был ли это эксперимент сумасшедшего, который обрел масштабы мира и вырос до уровня его Создателя? Было ли это концом или началом? Было ли это апокалиптическим следствием многовекового фанатизма и ненависти? Или же это были последние конвульсии демонических сил в человеческом обличье? Творение, параллельное творению Господа? Мир с его собственной аморальной Организацией Объединенных Наций? Мир, состоящий из людей, принадлежащих к иным национальностям, иным традициям, иным культурам, людей, имеющих иное социально-экономическое положение, говорящих на множестве иных языков, исповедующих иные религии и имеющих иную память? Они были взрослыми или молодыми, но в том мире уже не было ни детей, ни стариков. Они все уже канули в вечность.

Члены Ассамблеи уже слышали, как мой друг Кофи Аннан процитировал мои слова о том, что не все жертвы были евреями, но все евреи были жертвами. Впервые за всю писаную историю само существование стало преступлением. Их рождение пре-

вратилось в смертный приговор. Вернее, еврейские дети были обречены на смерть еще даже до своего рождения. То, к чему стремился враг, — это положить конец истории евреев. Он хотел создать новый мир, безжалостно и бесповоротно лишенный евреев. Поэтому Освенцим, Понары, Треблинка, Бельzec, Чельмо и Собибор стали мрачными фабриками смерти, существовавшими исключительно для смерти. Они были созданы для производства смерти, возведены для так называемого «окончательного решения еврейского вопроса». Убийцы приходили туда убивать, а жертвы — умирать.

Да, полтора миллиона детей. И то, что враг сделал сам с собой, убивая этих детей, ясно. Как многие из них могли бы стать лауреатами Нобелевских премий? Кто-нибудь из них мог бы найти настоящее средство для излечения раковых или иных заболеваний. Кто-нибудь из них мог бы написать великую поэму такой вдохновляющей силы, такой мощи и влияния, которые подвигли бы нации мира на то чтобы отказаться — по-настоящему навсегда отказаться — от организованного насилия и войн.

Чем был Освенцим? Для палачей он был идеалом царства абсолютного зла и проклятия, в которое направлялись принцы и нищие, философы и теологи, политические деятели и деятели искусств; он был местом, где потеря куска хлеба означала потерю жизни и где улыбка друга означала еще один день надежды. В то время очевидец пытался понять — но до сих пор так и не понял, — как могло оказаться возможным такое преднамеренное зло, такая безграмотная и бессмысленная жестокость. Неужели мироздание лишилось разума? Или Всевышний заслонил себе глаза? Человек верующий не может постичь Освенцима ни с Богом, ни без него.

А что же люди? Как разумные, образованные люди или просто законопослушные граждане, обычные люди могли ежедневно стрелять из пулеметов по сотням детей, по их родителям и родителям их родителей, а по вечерам наслаждаться размеренным стихом Шиллера или партитой Баха?

Став поворотным этапом или водоразделом, эта жуткая катастрофа, травмировавшая историю, навсегда изменила человеческое представление об ответственности по отношению к другим людям. И прискорбным, ужасающим фактом является то, что если бы западные государства вмешались в то время, когда Гитлер оккупировал Чехословакию и Ав-

стрию; если бы Америка приняла больше беженцев из Европы; если бы Британия допустила больше евреев в Палестину, ныне Израиль, их исконную землю; если бы союзники разбомбили железные дороги, ведущие в Биркенау, в то время, когда туда направлялись венгерские евреи, которых убивали там по десять тысяч в день, — тогда нашей трагедии можно было бы избежать или хотя бы — и это уж наверняка — сократить ее масштабы.

Об этом постыдном безразличии мы обязаны помнить точно так же, как мы должны помнить и благодарить тех, кто, подобно Раулю Валленбергу, жителем Шамбора во Франции и некоторым другим, ради спасения евреев рисковал собственной жизнью. Мы всегда будем помнить освободившие Европу армии, понесенные ими жертвы, и солдат, освободивших лагерь смерти — американцев в Бухенвальде, русских в Освенциме и британцев и канадцев в Бельсене. Однако для многих жертв они пришли слишком поздно. Об этом нам тоже забывать нельзя. Когда Третья американская армия освободила Бухенвальд, в наших сердцах не было радости, только боль. Мы не пели. Мы не праздновали. У нас было достаточно сил только для того, чтобы вслух повторять «кадиш» — поминальную молитву.

И теперь, друзья мои, шестьдесят лет спустя, мы можем спросить: «Почему с таким запозданием?» И все же, я со смирением и почтением призываю собравшихся здесь дипломатов, представляющих все мировое сообщество, прислушаться к словам очевидцев. Подобно Иеремии и Иову из Библии, мы могли бы рыдать и проклинать те дни, когда царили несправедливость и насилие; мы могли бы избрать отмщение. Но мы этого не сделали. Мы могли бы предпочесть ненависть. Но и этого мы не сделали. Ненависть унижительна, а возмездие позорно. Они сами по себе греховны. Их история насыщена смертью. Еврейский очевидец, каковым являюсь я, рассказывает о страданиях своего народа ради предостережения. Он подает сигнал тревоги, чтобы предупредить подобные трагедии в отношении других. И — да — я убежден, что если бы мир прислушался к тем из нас, кто пытался говорить, — но никто не слушал, — нам, возможно, удалось бы предотвратить Дарфур, Камбоджу, Боснию и, конечно же, Руанду.

Мы осознаем, что для мертвых это уже слишком поздно. Для них, Богом забытых и преданных

человечеством, победа была одержана слишком поздно. Но для сегодняшних детей — наших и ваших — еще совсем не поздно. Мы свидетельствуем только ради них. Именно ради них мы обязаны осудить антисемитизм и его ужасы и уродство, расизм и его глупость, религиозную и этническую ненависть и их опасности. Те, кто сегодня проповедует и практикует культ смерти; те, кто прибегает к терроризму самоубийц, являющемуся бедствием нового века — все они должны быть отданы под суд и осуждены за преступления против человечества. Муки не даруют никаких привилегий. Значение же имеет то, как поступают в отношении мук. Да, прошлое живет в настоящем, однако будущее все еще в наших руках — как ваших, так и моих.

Те, кто пережил Освенцим, проповедуют надежду, а не отчаяние; великодушие, а не злобу или горечь; признательность, а не насилие. Мы должны быть причастны. Мы должны отвергнуть безразличие как один из возможных вариантов поведения. Безразличие всегда играет на руку агрессору и никогда — жертвам. И в чем тогда суть и смысл памяти, если не в благородном и необходимом реагировании на безразличие и против него?

Так что сегодня многие из нас признательны Организации Объединенных Наций, ибо мы относимся к сегодняшнему дню как дню историческому. Мы признательны представителям за их присутствие, за их внимание и за их действия. Однако как учитель я всегда верю в пользу вопросов, а вопрос заключается в следующем: будет ли мир когда-нибудь учиться на своих ошибках?

Председатель (*говорит по-французски*): В соответствии с принятым ранее решением я сейчас предоставляю слово ветерану союзных войск и бывшему заместителю Генерального секретаря г-ну Брайену Уркварту.

Г-н Уркварт (*говорит по-английски*): В ознаменование освобождения самого ужасного из нацистских концлагерей — Освенцима — мы вспоминаем здесь, в Генеральной Ассамблее Организации Объединенных Наций, невообразимое преступление, которое совершалось в Европе всего 60 лет тому назад на протяжении более десятилетия, — преступление, о котором только что рассказывал Эли Визель, причем рассказывал так, как может сделать только он.

В апреле 1945 года я был среди тех солдат союзных войск, которые первыми вошли в лагерь Берген-Бельзен. Этот лагерь был создан сравнительно поздно в ходе войны для приема, в числе других жертв, тех, кто уцелел в лагерях, которые были расположены восточнее, включая Освенцим, и которые могли быть взяты советской армией.

Я употребил слово «невообразимое», потому что то, что мы увидели в Бельзене, было действительно невообразимым. На многих из нас давно навели ужас антисемитизм нацистов и преследования нацистами евреев. Да и сам я с 1933 года прекрасно представлял все это, так как в школе на западе Англии, которую держали моя мать и ее сестры, училось много еврейских девочек, бежавших из Германии и, позднее, из Австрии. И, конечно, я был знаком с некоторыми еврейскими беженцами, когда перед войной учился в Оксфорде.

Но до тех пор, пока ты сам не увидишь этой ужасной картины, невозможно представить себе той огромной системы расового уничтожения, в которой Бельзен был лишь небольшой частью, системы методичного убийства миллионов ни в чем не повинных людей, преднамеренного осквернения миллионов человеческих душ в сознательно созданных омерзительных и унижающих достоинство условиях, — и все это во имя извращенной и безумной идеологии.

В Бельзене мертвые и умирающие были повсюду. Там свирепствовали холера, тиф, оспа, корь, дизентерия, не говоря уже о повальном голоде. Две стены детской площадки для игр — если ее можно так назвать — состояли из аккуратно сложенных штабелями человеческих тел. В этом как раз и состоит одна из проблем предотвращения геноцида: обычные люди просто не могут себе этого представить до тех пор, пока все это не случится на самом деле и они не смогут убедиться в этом воочию. А к тому времени, конечно, делать что-то уже поздно.

Даже после ежедневных ужасов шестилетней мировой войны нацистские концлагеря буквально потрясли весь мир. Они показали миру, что одного мира — этой заветной цели — недостаточно. Они показали миру, что все еще возможна ситуация, когда даже в Европе, правительством или контролирующей страну группа, ослепленные фанатизмом или идеологией, способны убить миллионы ни в чем не повинных людей. Они показали миру, что